

Олега женскую одежду. Анна приняла сына переночевать, и мы с Поповой немного успокоились. В последний раз прощались, еще раз просили друг друга беречься. Я прижала сына к груди. Больше я уже не могла глядеть в его милые глаза, но последние слова запомнились мне навсегда:

— Не печалься, мама! С нашими приду, с Красной Армией!

Дома, куда я возвратилась в семь часов вечера, я не застала никого.

В квартире было пусто и холодно, как на улице. Бабушку опять забрали в полицию, а маленького Валерия взяли к себе соседи. Я осталась одна.

Могильная тишина камнем легла мне на сердце, давила, не давала дышать.

Я вошла в комнату Олега.

Сорванные с дивана одеяла и простыни, раскиданные по полу вещи — все говорило о недавнем обыске. На столе лежали шахматная доска, запонки и любимый галстук Олега. На полу валялась книга «Капитальный ремонт» Леонида Соболева — последняя, какую прочитал в своей жизни мой сын; книга о море.

Машинально я подняла ее, открыла и ахнула. Как же немцы не заметили? На обратной стороне обложки дядей Николаем была записана последняя, полученная «Молодой гвардией» сводка Совинформбюро. Перечислялись отнятые у немцев наши города, пленные, убитые немцы, трофеи.

Нет, драгоценную эту книгу я немцам не отдам! Только успела я спрятать «Капитальный ремонт», стук в окно.

«Все. Теперь за мной...»

Но это была она, моя мама. Ее снова избили в полиции. Выпустили, как приманку для Олега. Стало ясно, почему и меня не берут до сих пор. Ждут и следят.